



Аркадий Воронцов, артист оперетты

Да, разговор пойдет об актере, которого зрители знают Богданом Сусиком и графом Лососиноостровским, Жорой-одесситом и просто «походным ЗАГСом» в «Моей Гюзели», остроумным Сако из «Кэто и Котэ» и Родриго в спектакле «Где-то на юге».

Знали Аркадия Воронцова и — помнят. Знают, и — восхищаются. А знали его и Яшкю-буксиром в «Белой акации», вначале Никошем, а потом бароном Зеттом в «Веселой вдове», и Одноглазым в «Вольном ветре». Рахмет Алиев в «Севастопольском вальсе» это ведь тоже Аркадий Воронцов, и министр Фраскатти из «Фиалки Монмартра», и дежурный тюремный в «Летучей мыши», и... Впрочем, перечислить роли, сыгранные талантливым артистом в музыкальных комедиях, нелегко, их почти пятьдесят. А для настоящего актера каждая роль — создание образа, наделенного живыми, человеческими чертами, воссоздание

характера с теми качествами, что присущи только ему одному. Именно в умении разглядеть в роли характер героя и достоверно, психологически тонко раскрыть его в спектакле, проявляется талант артиста. Дается это умение в непрестанных поисках, зачастую тяжким трудом. Так обстоит в опере, в драме, так — и в оперетте. Причем, в оперетте, подцензурно, особенно сложны поиски, ибо на их пути чаще всего подстерегают актера опасности: незаметно для себя оказаться во власти выработанных классических опереттовых штампов, вместо характера представить ходульный тип, невольно использовать известные чисто внешние приемы и, обманув себя (но не зрителя!), оказаться в спектакле актером маски...

Творческая работа Аркадия Воронцова в сложнейшем, синтетическом жанре оперетты пользуется неизменным успехом. Его появление в спектакле зрители приветствуют горячо и единодушно. Ибо знают: они увидят не только, скажем, Рахмета Алиева, одного из героических защитников Севастополя, не теряющего бодрости духа в самые тяжкие дни своей жизни, трогательно-заботливого, чуткого к людям человека, но и Аркадия Воронцова, со своим, если можно так выразиться, творческим почерком. Потому и неудивительно, что не только многие десятки зрителей, но коллективы в своих письмах дают высокую оценку его искусству.

Роли, в которых выступает актер, «в большинстве своем — сатирического плана, — пишет группа сотрудников проектного

института «Сибгипротранс», — исполняются они большим мастером... Когда же А. М. Воронцов встречается с героями другого характера, в его творческой палитре находятся и теплые, нежные, лирические тона и драматический накал...

В спектакле «Вольный ветер» Аркадий Воронцов сыграл роль полицейского агента по прозвищу Одноглазый. Роль — эпизодическая. А между тем, как справедливо заметил критик — «именно Одноглазый, а не управляющий пароходной компанией Георг Стан и «частное лицо» Честерфильд наиболее точно раскрывал образ мыслей и методы действий «хозяев жизни», душевателей простого народа». Указав на эксцентричность внешнего рисунка образа критик признался: «Как умудрился артист продлевать свои «трюки», оставаясь в то же время в рамках живого конкретного характера — объяснить невозможно».

Однако сделать это необходимо, поскольку в противном случае не уяснить проявления актерской индивидуальности Аркадия Воронцова. Так как же все-таки и почему удается актеру, пользуясь средствами сатиры и гротеска, оставаться «в рамках живого, конкретного характера»? Вот один пример — работа актера в оперетте О. Сандлера «На рассвете».

Эта постановка привлекала внимание своеобразием и свежестью режиссерских разработок, осуществленных Б. А. Рябикиным. Чутко восприняв замысел постановщика, Аркадий Воронцов обогатил спектакль ярким образом Мишки Япончи-

ка. Специфичной манерой речи, очень тонко найденными характеристиками для этого героя черточками поведения, Аркадий Воронцов как бы «выпечатывает» образ печальной памяти знаменитого налетчика, — ловкого, по-своему изысканного, не лишнего ума, знающего себе цену, достойного партнера в альянсе «британчик, япончик и американчик», вместе с денкиндами хозяйничавших в оккупированной Одессе; с полным пониманием охарактеризованном «королем Молдаванки» как «международная артель «На-прасный труд». Характер героя актер раскрывает с таким мастерством, что он, по моему глубокому убеждению, оказывает решающее влияние на восприятие в спектакле атмосферы истинно бабелевской Одессы. А это чрезвычайно важно, ибо от передачи колорита времени и места действия во многом зависит успех постановки.

Анализируя найденные Аркадием Воронцовым черты и особенности внешнего рисунка, как этого образа, так и многих других, приходишь к твердому выводу: они не просто оправданы, но в высшей степени органичны для каждого раскрываемого актером характера. И мы видим не актера в роли, а в одном спектакле Мишку Япончика, в другом — барона Зетта, в третьем — министра Фраскатти и т. д.

Совершенно очевидно, у Аркадия Воронцова, как у настоящего мастера, представляющего персонаж в остро-гротесковом плане, все, с позволения сказать «трюки», — эссен- т и ч н о е подчеркивание манеры персона-

жа двигаться, жестиковать, говорить, слушать, — не приносятся извне, сами по себе не существуют. Они, как находки, возникают в процессе работы над ролью, при осмысливании характера героя, его человеческой и социальной сути. При этом, актер остается «в рамках живого, конкретного характера» потому, что видит за гротеском живую человеческую натуру. Думаю, что без способности актера сродниться с персонажем, захитить его жизнью нет и не может быть правды характера. А она, и только она, оправдывает гротеск.

В стремлении рельефнее выделить особенности натуры, качества характера персонажа, придать образу больше жизненной достоверности, Аркадий Воронцов делает порой приятнейшие открытия. Так, полицейский сыщик Одноглазый в обращении неизменно произносит: «А-адну... Минуточку!...». В тексте пьесы этих слов нет. Но попробуй убрать «отсебятину», и Одноглазый, как характер, многое проигрывает. Барон Зетт, начиная фразу, роняет: «Н-да... Но...» — обретая нечто очень для него типичное. Министр Фраскатти без протестного, жеманного: «но?» как цельный характер не представляется. Все эти слова, словечки, произнесенные Аркадием Воронцовым, — следствие творческой разработки актером характера персонажа.

Просматривая работы Аркадия Воронцова, признанного новосибирскими зрителями одним из своих любимейших актеров, размышляя над ролями, которые сыграны им во многих спектаклях, полностью разделяя

мнение: это артист яркого дарования, с сожалением, однако, констатируешь, что его потенциальные возможности далеко не используются. Почему, скажем, не поставит в театре оперетты спектакль «на актера», дав возможность Аркадию Воронцову широко и многогранно продемонстрировать свое незаурядное дарование. Право слово, от этого не был бы в проигрыше театр, и многое выиграли бы зрители.

Свою сценическую деятельность артист начинал в драме. К палитре драматического актера Аркадий Воронцов обращается и поныне, разрабатывая образ в опереточном спектакле. Ничуть не сомневаюсь: будучи приглашенным для участия в спектаклях «Красного факела» или театра юных зрителей на роли, требующие именно тех красок, которыми владеет Аркадий Воронцов, он сумел бы создать запоминающиеся, яркие образы, бесспорно обогатив спектакли. Ему с руки, как говорится, сыграть Хлестакова в «Ревизоре», Барона в горьковской пьесе «На дне» и Фильку-анархиста в «Интервенции» Славина и характерные роли во многих других классических и современных постановках.

Любители театра, новосибирские зрители верят: артист порадует их новыми мастерскими работами, доставит наслаждение своим искусством. Приветствуя актера с двадцатипятилетним его сценическим опытом, мы желаем ему еще больших успехов в творчестве, всегда великолепном, неуывающей силой молодости.

Евгений ЛУЧИНСКИЙ.